

Zaza Shatirishvili

"Старая" интеллигенция и "новые" интеллектуалы: грузинский опыт

Лет двенадцать тому назад, когда в течение одного года скончались Сергей Параджанов и Мераб Мамардашвили, в грузинской политической жизни все было ясно до предела. Мир был по-манихейски прост: были "мы" и "они". "Они" ("звиадисты") были плохие, мы ("антизвиадисты") – может быть, не до конца хорошие, но зато отстаивали уж очень хорошие и передовые и, как стало ясно потом, "либеральные ценности". Такая же ясность существует теперь в грузинской интеллектуальной жизни: с одной стороны, существует "старая" (или, более уничижительно, "номенклатурная") интеллигенция и, с другой – "новые" (западного образца) интеллектуалы. Именно под таким названием состоялся семинар в сентябре прошлого года в Кавказском институте мира, демократии и развития по инициативе его директора, философа и политолога Гиа Нодиа¹.

В своем выступлении Нодиа отметил, что за последние десять лет в Грузии образовался существенный разрыв между "старой" интеллигенцией и "новыми" интеллектуалами (правда, среди "новых" много из "старых", чья интеллектуальная позиция сформировалась еще во времена "застоя", и наоборот – не все "новые" по-настоящему "новы"). У "старых" и "новых" различный дискурс, они едва понимают друг друга; бросается в глаза различие и между институциональными полями: "старые" ютятся в традиционных академических учреждениях (Академия наук, университеты), в творческих союзах (Союз писателей и т.д.), тогда как "новые" предпочитают "неправительственные организации" (так называемые NGO – non-governmental organisations) или новые медиа, основанные на рыночных принципах; для "старых" второй язык – русский (а за русским – немецкий), новые, большей частью, владеют английским².

Конечно, существует еще немало "различительных признаков" между "старыми" и "новыми", но я сознательно ограничусь лишь этими тремя – дискурсом, институциями и языком. Для наглядности начну говорить о них в обратном порядке.

"И вырвал грешный мой язык..."

Речь идет, как вы сами догадываетесь, об Ангеле западного либерализма (давайте не будем спорить, насколько ангел этот либерален), а вырванный им язык, конечно же, русский. Может быть, это преувеличение? – спросите вы. Я и сам считал это преувеличением, пока не напоролся на так называемую действительность.

Впервые я столкнулся с этой действительностью ровно три года тому назад. Я возвращался из Лондона в Тбилиси через Москву, поскольку "аэрофлотовские" билеты стоили гораздо дешевле "Британских авиалиний", к тому же между Грузией и Россией еще не был введен визовый режим. Моим соседом оказался мой соотечественник, 22-летний молодой человек, только что успешно защитивший магистерскую степень по экономике в лондонском университете. Мы быстро нашли общий язык, общих знакомых (как известно, Тбилиси – город маленький) и провели весь путь в интересном разговоре о судьбе либеральных ценностей и рыночной экономики в современной Грузии. Наши взгляды полностью совпали – эпоха Шеварднадзе для нас ассоциировалась с поздним брежневским "застоем", которого, кстати, в отличие от меня, мой собеседник не помнил. Вдруг мой сосед прервал разговор и попросил меня обратиться к предлагавшей сувениры стюардессе, чтобы она показала ему какую-то вещь. Я немножко замялся, и мой собеседник объяснил, почему он обратился с такой просьбой. "Видите ли, – сказал он, смущаясь, – я не говорю по-русски".

Тогда я не придал этому эпизоду особого значения, но запомнил. Прошло два года. Меня пригласили прочитать цикл лекций в Тбилиском государственном университете языка и культуры. Мой курс назывался "Нарратив и культура". Сперва мне очень понравилось, что Жерара Женетта и Джеральда Принса мы проходили в оригинале и в грузинских переводах. Но, когда больше половины моих студентов потребовали переводов Проппа и Бахтина, я возмутился. Оказалось, что за этим нет никакого "злого умысла", ни антиимперских, ни снобистских мотиваций – просто одной студентке пришлось с родителями уехать во Францию в возрасте 10 лет, где она училась в колледже им. Гийома Аполлинера, вернулась в Грузию два года назад, начала изучать русский, но пока предпочитает читать по-французски и по-английски. Хорошо, что хоть грузинский не забыла, подумал я про себя. Другие истории походили на эту как две капли воды: один закончил школу в США, другая – в той же Франции, третий – в Германии и т.д. и т.п. Многие из них сейчас принялись за русский, дела идут как будто неплохо, но все же – язык трудный, попасть в Россию еще труднее. А это и вправду так: многие мои коллеги, исколесившие всю Европу и Америку с помощью западных грантов и стипендий, жалуются, что не были в Москве и Петербурге лет десять, а то и больше.

И наконец, последний случай: год назад мы с женой решили нанять нашему первенцу домашнюю учительницу русского языка. И тут среди моих друзей нашлись такие, которые стали урезонивать нас с женой. Ну зачем вам русский, говорили они, мальчик ходит в немецкую школу, скоро начнет учить английский, а вы ему еще и русский навязываете. Да и с чисто прагматической точки зрения это невыгодно – когда мальчик подрастет, ему захочется учиться в каком-нибудь западном университете, скорее всего, в немецком или американском. И вообще, зачем навязывать ему ваше культурное прошлое? Если ему захочется выучить русский, он это сделает сам, когда станет взрослым. Сначала я хотел было возразить и сослаться на свою библиотеку, добрую половину которой (а то и больше) составляют русские книги; что мне не хотелось бы, чтобы они оставались для него предметом обстановки; что русский, в конце концов, – это язык Толстого и Достоевского... Но неожиданно для самого себя я ответил следующим образом: он из такого региона, где Россия играет важную роль (давайте не будем вдаваться в оценку этой роли), так что русский на Западе все же пригодится. И именно этот

аргумент оказался приемлемым.

Из всего этого можно сделать вывод: русский язык для нового поколения интеллектуалов из привилегированного языка культуры превратился в один из языков наряду с другими, и это в лучшем случае.

"Старые Афины" и "Новый Иерусалим"

В Тбилиси часто шутят, что множество западных фондов и организаций, обосновавшихся в нашей столице (да и по всей Грузии), исполняют роль новых миссионеров, пытающихся обратить наше свежее испеченное постсоветское государство в свою веру. Эту же функцию взяли на себя разного рода грузинские неправительственные организации, субсидируемые все теми же западными фондами. Весь этот сложный, но в чем-то гомогенный комплекс у нас называют "Новым Иерусалимом" западного либерализма.

Тогда "старые Афины" – это унаследованные от советской действительности Академия наук Грузии с его научными институтами, разные творческие союзы (Союз писателей, Союз композиторов и т.д.) и даже Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили (ТГУ), который, хотя и был основан в пору первой грузинской независимости, в 1918 году, за 70 лет советской власти (1921–1991 годы) превратился в типичное советское учебное заведение, со всеми вытекающими отсюда последствиями (и негативными, и позитивными).

Сейчас руководители многих высших учебных заведений уверяют нашу общественность в том, что все они успешно реформировались, что вместо истории партии и научного коммунизма студентов обучают новой политологической премудрости – тому, что по-английски называется *political and social sciences*. Это и на самом деле так – бывшие марксисты переквалифицировались в политологов, кафедры научного атеизма переименованы – они стали называться или кафедрами истории религии или кафедрами православной теологии. Но система осталась почти той же – новые структуры разместились поверх старых, и образовался кентавр – западный университет с четко узнаваемым советским лицом, а на самом деле – ни то, ни другое. Я уже не говорю о раздутых штатах, об отсутствии "кредитной" системы, о чисто формальном характере контрактов и т.д. и т.п. И все это на фоне, в прямом смысле этого слова, нищенской зарплаты, около 30–40 американских долларов, которую получают преподаватели и научные работники университетов или научных институтов.

Неудивительно, что лучшие молодые специалисты стали уходить из науки и образовали именно тот сектор, который стал называться "неправительственной сферой" или, по-другому, NGO-цивилизацией. Многие видные грузинские интеллектуалы оставили научные посты и ушли в разные местные филиалы западных фондов или основали неправительственные организации: философ Гиа Нодиа учредил Кавказский институт мира, демократии и развития (который является одним из самых авторитетных NGO, и не только в Грузии); филолог-классик Леван Бердзенишвили из университетского преподавателя превратился в видного общественного деятеля (правда, и в советское время он был не просто ученым, но также и известным диссидентом, который вместе со своим братом Давидом отсидел три года в Гулаге); филолог-классик Давид Пайчадзе, историк Давид

Лосаберидзе, философ Зураб Чиаберашвили – все они, покинув научные учреждения (или лишь номинально оставаясь в них), стали общественными фигурами. Я перечислил лишь некоторых, но список этот очень внушительный.

Еще одна сфера, куда стекаются новые интеллектуалы, это новые демократические медиа. Назову самые популярные среди них, где к тому же сосредоточены основные "либеральные ресурсы" нашего общества: телевидение "Рустави-2", тбилисское отделение радио "Свободы", газеты: "24 саати" ("24 часа"), "Ахали 7 дге" ("Новые 7 дней"), "Резонанси" и др. В этих структурах работают филолог–грузиновед Иа Антадзе, филолог–романист Нодар Ладария (абхаз по национальности), филолог–классик Малхаз Харбедиа и многие другие.

Конечно же, причина всего этого – отчасти в низкой оплате интеллектуальной работы в университетах и других научных учреждениях, с одной стороны, и в конъюнктуре, с другой, – ведь западные фонды охотно субсидируют именно правозащитные и либеральные проекты разного толка.

Но наряду с этим не надо забывать и о половинчатости реформ, проведенных в сфере высшего образования. Я уже говорил, что преобразования в основном имеют поверхностный и формальный характер, – очень трудно практически на любом гуманитарном факультете реально изменить учебный план, ввести новые курсы, невозможно добиться того, чтобы учебный план время от времени обновлялся, и т.д. А последствия всего этого – глубокая отсталость и провинциальность нашей академической среды, отсутствие новых методологий в университетской науке и преподавательской работе. И здесь я вплотную подошел к третьему "различительному признаку" между старой интеллигенцией и новыми интеллектуалами – к дискурсивным стратегиям "старых" и "новых".

Грузинское царство дискурса

После распада советской власти и свержения режима Гамсахурдиа в Грузии стал намечаться один интересный феномен – полная маргинализация как левого, так и националистического дискурсов. Сегодня "господствующий дискурс" в грузинском общественном пространстве – это либеральный дискурс, впитавший кое–что как из риторики националистического традиционализма (окрашенного православными тонами), так и из откровенно левой риторики.

Дискурс этот образовался не сразу. У его истоков стоит Мераб Мамардашвили, который за последнее десятилетие своей жизни из московского философа превратился в грузинского общественного деятеля и грузинского интеллектуала. Последний большой курс лекций он прочитал в Тбилисском государственном университете на грузинском языке³, но наряду с этим принял активное участие в создании нескольких общественно–политических организаций, давая многочисленные интервью грузинским телеканалам и прессе. Введенные Мерабом Мамардашвили понятия оказались необычайно живучими и, в каком–то смысле, конъюнктурными: в первую очередь, нужно отметить концепт "грузинской рыцарской легенды", за которой, по словам Мамардашвили, никогда не стояло никакой объективной реальности (на то и легенда), но с помощью которой нация реально осознает самую себя. Современные

интеллектуалы, вслед за Мамардашвили, коренное отличие Грузии от византийско–русского мира видят именно в таких автономных феноменах грузинской культурной и политической жизни, которые в чем–то сродни отдельным феноменам европейской культуры ("раиндоба" – "рыцарство", "миджнуроба" – "куртуазность", "цивилизация Руставели" – "цивилизация Данте" и т.д.).

Но Мамардашвили – это именно начало, современный грузинский либеральный дискурс менее "метафизичен", более прагматичен, но точно так же критичен по отношению к текущему положению вещей в нашей стране, как и лет десять–двенадцать тому назад.

Одно из таких критических понятий, разработанных за последние годы в пространстве грузинской общественной мысли, – понятие "эрозии демократии" в Грузии, введенное в отечественный либеральный дискурс политологом Г. Нодиа⁴. Нодиа отметил, что некоторые западные механизмы при их "импорте" или вовсе перестают работать, или начинают работать в другом режиме, приспосабливаясь к местным условиям. В первую очередь это касается демократических процедур (многопартийность, всеобщие выборы), которые легче перенимаются, чем либеральные ценности, но и больше подвержены эрозии. Так, в Грузии парламентские и президентские выборы за последние годы превратились в чистую формальность из–за того, что существующая власть легко манипулирует их результатами, не стесняясь даже фальсификаций.

Другой пример критического понятия, используемого в современном грузинском либеральном дискурсе, – понятие "малой империи", предложенное в свое время покойным Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Современные грузинские интеллектуалы попытались углубить этот термин и выявить его новые содержательные возможности⁵. Ниже я кратко изложу эту новую концептуализацию.

Когда известный ученый и правозащитник определял советскую Грузию как "малую империю"⁶, он имел в виду ее территориальную разношерстность и гетерогенность (как известно, Грузинская ССР как союзная республика включала в себя Абхазскую и Аджарскую автономные республики и Южно–Осетинскую автономную область), с одной стороны, и включенность этого сложного образования в состав образования еще более сложного, именуемого "большой империей", т.е. Советского Союза, с другой. Создавая свой проект конституции Союза Советских Республик Европы и Азии⁷, А.Д. Сахаров хотел снять государственно–территориальную гетерогенность, характерную для Советского Союза в целом, и превратить все государственные образования, находящиеся внутри единой страны, в равные субъекты новой федерации американского образца.

Но содержательный потенциал понятия "малой империи" не исчерпывается лишь его операционным употреблением. Генеалогия малой империи гораздо глубже территориальной гетерогенности советской Грузии, ее корни нужно искать в эпохе романтизма, когда факт завоевания Грузии Российской империей (1801 г.) потребовал от грузинского общества найти новые стратегии самоидентификации⁸.

Несмотря на то что после присоединения Грузия фактически превратилась в колонию и была разделена на две губернии (1846 г.),

"грузинское царство" было включено в официальный перечень территориальных образований Российской империи, русский император наряду с другими титулами стал носить титул "царя грузинского", а в Тбилиси (Тифлис) был направлен царский наместник (1844 г.). Таким образом, статус вхождения кавказских народов в Российскую империю был неодинаков, отсюда, кстати, привилегированность одних и непривилегированность других и при советском режиме.

Особое положение Грузии вырисовывается во время русско–кавказских войн (1817–1864 г.), в которых она принимает непосредственное участие на стороне России. Грузинская общественность восприняла эти войны как благоприятный повод для мести за те опустошительные набеги на восточную Грузию, которые совершали кавказские горцы в период грузинской независимости, до ее присоединения к России. В основе этой мести лежит компенсация за утрату независимости: став составной частью Российской империи, Грузия в определенных случаях начала идентифицировать себя с Россией. Одним из таких случаев является трихотомия Грузия – Россия – Кавказ, внутри которой Грузия идентифицирует себя именно с Россией, а не с завоевываемым Кавказом. Здесь можно говорить о комплексе "завоеванного завоевателя"⁹. Многие грузинские поэты–романтики активно участвовали в кавказских войнах, а самый известный в те времена – Григор Орбелиани¹⁰ – сделал выдающуюся карьеру военного и государственного служащего благодаря этим войнам. Но и те, которые (как, например, другой поэт–романтик Николоз Бараташвили¹¹) не участвовали, а следили издалека, не просто сочувствовали, но посвящали завоеванию Кавказа свои произведения.

Данный феномен можно обозначить как стратегию частичной идентификации колонизируемого с колонизатором, которая с предельной ясностью выражена в некоторых произведениях грузинских романтиков, где Грузия уподобляется России, а Кавказ, как нежелательная преграда, исчезает¹². Именно здесь и нужно искать генеалогические корни малоимперской идеологии в грузинской культуре.

По мнению новых грузинских интеллектуалов, рефлексии малоимперской идеологии отчетливо прослеживаются не только в грузино–осетинском и грузино–абхазских конфликтах, но и в амбивалентном отношении грузинского политического истеблишмента к российско–чеченскому конфликту. Так, с одной стороны, чеченские беженцы получили убежище в нашей стране, но, с другой стороны, в ноябре истекшего года в течение одной ночи произошли не санкционированные генеральной прокуратурой обыски и аресты множества чеченских беженцев и грузинских граждан чеченской национальности. Все они были доставлены в разные отделения полиции по всему Тбилиси, якобы с целью их идентификации и взятия на учет. За этим сразу же последовали протесты со стороны общественности и правозащитных организаций Грузии. В выступлениях таких общественных активистов, как председатель Кавказского дома, видный грузинский интеллектуал, писатель Наира Гелашвили, правозащитники Леван Рамишвили и Гига Бокерия (Институт свободы), правозащитник и бывший диссидент Эмиль Адельханов–Штейнберг и др., прозвучали напоминания о 1937 годе.

Таким образом, для многих грузинских интеллектуалов политика существующего режима по отношению к чеченскому конфликту носит явные следы не только конформистской двойственности, но и антикавказского мирозерцания, являющегося продолжением и

рефлексом малоимперской идеологии.

Но где "обитает" старая интеллигенция? В чем выражается ее собственная идеология? Каков ее дискурс?

Здесь скрывается один парадокс нашей общественно–политической и интеллектуальной жизни: дискурс "старых" использует те же клише и концептуальные схемы (вплоть до таких "еретических" с националистической точки зрения, каковой является "малоимперская идеология"), что и дискурс "новых", имитируя весь риторический арсенал последнего. И тут приходит на ум ситуация, описанная Мерабом Мамардашвили: "В любой момент, когда вы захотите мыслить, ваша мысль [...] уже существует в виде подобия мысли. [...] Всегда есть вербальный мир, который сам порождает псевдovoпросы, псевдопроблемы, псевдомысли, и отличить их от истинной мысли практически невозможно"¹³.

Я далек от мысли, будто новые грузинские интеллектуалы порождают лишь истинные мысли (особенно в наше время, когда упоминание об истине стало, в лучшем случае, признаком отсталости и плохого вкуса), – наоборот, я отнюдь не разделяю их "либеральный восторг" и эсхатологический оптимизм по поводу "нового мирового порядка". Но невозможно отмахнуться от очевидного: они работают, трудятся, придумывают новые концепты и переосмысливают старые. Они уже не одиноки – у них есть партнеры почти во всем мире. Они – люди. Станут ли они эпохами, это зависит не только от них, но и от духа времени и духа повествования этого времени.

¹ Материалы данного семинара составили первый отдел номера периодического издания Кавказского института "Общество и политика". 2002. №4. С. 9–79 (на грузинском языке).

² Нодиа Г. Старая интеллигенция и новые интеллектуалы: изменение парадигмы? // Общество и политика. 2002. №4. С. 9–10 (на грузинском языке).

³ Мамардашвили М. Беседы о философии. Тбилиси: Мецниереба, 1992 (на грузинском языке).

⁴ Нодиа Г. Какая мы страна после выборов? // Какая мы страна после выборов: Парламентские выборы в Грузии 31 октября 1999 г. и грузинская демократия. Тбилиси: СИРД, 2000. С. 7–13 (на грузинском языке).

⁵ См., в частности, материалы сборника: Аспекты грузино–абхазского конфликта, 7 // Материалы грузино–абхазской конференции: "Пакт стабильности на Кавказе и стратегия миротворческого процесса", UCI, University of California, Irvine, 2001.

⁶ Сахаров А.Д. Выступление на Первом съезде народных депутатов СССР // Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека. Ленинград: "Советский писатель", 1990. С. 115.

⁷ Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии: проект А.Д. Сахарова. Октябрь. 1990. №5, С. 145–160.

⁸ Здесь нужно отметить, что завоевание происходило на фоне восстаний в разных областях Грузии и не носило легитимного характера, как этого хотелось бы имперскому центру. Восстания в горной части восточной Грузии (1804 г.) и Кахетии (провинция восточной Грузии, 1811 г.) носили эпизодический характер и не имели продолжения. Заговор 1832 года, в котором принимала участие грузинская аристократия, завершился преждевременным раскрытием из–за предательства одного из участников. Но все же завоевание Грузии в корне отличалось от завоевания Кавказа, вызвавшего серию русско–кавказских войн, которые длятся и по сей день.

⁹ Более подробно см.: Ram H., Shatirishvili Z. Romantic Topography and the Dilemma of Empire: the Caucasus in the Dialogue of Georgian and Russian Poetry. Russian Review (в печати).

¹⁰ Григол Орбелиани (1804–1883) – грузинский поэт–романтик. Начиная с 1838 года, когда он в звании штабс–капитана был зачислен в грузинский гренадерский полк, по 1858 год воевал на русско–кавказской войне. Вышел в отставку в звании

генерал-лейтенанта от инфантерии. В 1859–1865 годы он периодически исполнял обязанности царского наместника в Грузии.

- ¹¹ Николоз Бараташвили (1817–1845) – грузинский поэт-романтик, племянник (сын сестры) Григола Орбелиани.
- ¹² Литературоведческий анализ данных произведений см.: Ram H., Shatirishvili Z. Romantic Topography and the Dilemma of Empire...
- ¹³ Мамардашвили М. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 14–15.

Published 2003-06-26

Original in Russian

Contribution by Neprikosnoennij Zapas (NZ)

(c) Neprikosnoennij Zapas

(c) Eurozine